

«СОБСТВЕННЫЙ ОПЫТ» КАК ОСНОВА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ У ПОЛИБИЯ

Полибий — крупнейший историк III—II вв. до н. э., первый в античной историографии автор, который был всерьез озабочен проблемами истории как науки. Отсюда вытекает специфический присущий ему интерес к методике исторического исследования. Несмотря на огромную популярность, которой пользовалась его «Всеобщая история» у римских историков периода поздней Республики и ранней Империи, его выводы о задачах научного изыскания были по-настоящему оценены лишь в новое время. В разработке теории истории как специфической научной дисциплины Полибий опередил и своих современников, и своих ближайших преемников. Попытаемся на основе анализа того комплекса методических задач, которые он ставил перед историками, выявить, что эллинистическая историография III—II вв. до н. э. считала критерием проверки исторического знания.

Полибий был глубоко убежден, что на основе прогресса в науках и искусствах можно заниматься и историей научно — *methodikōs* (Polyb. IX.2.5). Основные методические рекомендации даны им в знаменитой XII книге в форме критики других историков, чаще всего Тимея. Манера изложения, обусловленная неразвитостью античной научной методологии, и фрагментарное состояние данной книги в значительной мере затрудняют нашу задачу.

Ахейский историк идет в своих методических советах по пути сравнения, часто встречающемуся у античных писателей. Он стремится показать в противопоставлении правильный и ложный подходы к задачам истории, сопоставляя историю и медицину. Полибий выделяет в современном ему врачевании три раздела: книжное, диетическое и, наиболее высоко им оцениваемое, хирургическое, оно же фармацевтическое. Каждый из разделов (*tergoi*), по словам Полибия, имеет собственные направления, или задачи — *diatheseis* (Polyb. XII.25d.2) ¹.

Проводимое Полибием сопоставление истории и медицины вполне объяснимо. Видимо, он переносит на историческую науку общепринятое у греков сравнение философии и медицины. Эти две науки в течение долгого времени совмещались у греков в познании окружающего человека мира. Медицинские наблюдения способствовали созданию космогонических теорий, философия оказала влияние на развитие медицинских теорий и возникновение профессионального врачебного этикета ².

Кроме того, эпоха эллинизма в целом ознаменовалась усиленным развитием естественных наук, в том числе географии и медицины³. Анализ исторического сочинения Полибия показывает, что он отозвался на научные достижения своего времени. Исследователи его творчества уже отмечали, что рост географических знаний в эпоху эллинизма и оформление географии в специальную научную дисциплину оказали огромное влияние на его труд⁴. Признание эллинистическими медиками важности практического опыта также подействовало на Полибия. Поэтому при классификации разделов эллинистического врачевания он и отдает предпочтение хирургии и фармакологии — практическим разделам медицины. Видимо, эти же соображения легли и в основу его критики Новой Академии, которая выродилась во времена Полибия в софистику в самом скверном ее значении⁵. В III—II вв. до н. э. ее представители были теснейшим образом связаны с медиками-пневматиками, чья система взглядов не отвечала новым теоретическим построениям периода эллинизма (Polyb. XII. 25 c.)⁶.

По Полибию, прагматическая история, как и практическая медицина, содержит в себе три *тегоі*, которые могут быть превращены в три отдельных метода работы над историческим сочинением. Первый заключается в знакомстве с историческими трудами других авторов⁷ и в изложении материала на их основе. Второй вид работы предполагает ознакомление (у Полибия «*thea*» — «обозрение») с различными достопримечательностями, местностями, городами, странами. Третий предусматривает непосредственное знание политических дел — *praxeis tas politikas* (Polyb. XII. 25e. 1).

В данном случае речь идет не о видах источников, как предполагали некоторые ученые⁸, а именно о способе работы над историческим трудом. Полибий мало интересуется проблемой источников в том смысле, который мы вкладываем в это понятие. Лишь однажды он упоминает о собрании письменных данных из работ предшественников и о получении сведений от знающих людей (Polyb. XII. 28a. 7).

При написании прагматической истории необходимо, считает Полибий, сочетание всех трех методов. Но, указывает он, в его время такое сочетание — недостижимый идеал, а предпочтение отдают методу историков-книжников. Полибий сурово осуждает последних, отождествляя их с врачами, не имеющими практических знаний. Авторы исторических трудов, работающие только в библиотеках, так сказать «буквоеды» («*bybliakoi*»), не способны дать правильное описание наиболее важных для прагматической истории фактов (Polyb. XII. 25h. 4).

Отталкиваясь в какой-то мере от требования, поставленного эллинистической медициной, ахейский автор стремится решать задачи своего исследования как историк. Разбирая отдельные проблемы методологии, он ставит вопрос более широко: его ко-

нечная цель — достижение истинного, правильного исторического знания, а также критерий проверки этого знания.

В данном случае Полибий мог опереться на выводы греческих философов предшествующего периода. Разбирая проблему правдоподобия в историческом произведении, он учитывал их поиски объективного критерия правильности изображения в различных искусствах. В качестве такового Платон и Аристотель брали норму верности изображения изображаемому объекту⁹.

Платон неоднократно обращал внимание на некомпетентность художников-подражателей, будь то живописцы или писатели, пытающихся изобразить действительность. Краткое замечание по этому поводу в X книге «Государства» сменяется у него во II книге «Законов» разработкой идеи правильности изображения в различных видах изобразительных искусств. Задача истинного художника, в том числе и художника слова, по его словам, состоит в воспроизведении «равенства изображения и подлинника в отношении величины и качества»¹⁰. При этом Платон сравнивает писателя, чье творчество не отвечает задачам истинного мастерства, с живописцем, пишущим свои картины «с набитых чучел». Этот пример в греческой литературе вскоре превращается в *locus communis*. Его использует Аристотель, разбирая задачи поэтического творчества. С таким художником Полибий сравнивает Тимея, утверждая, что тому не хватает правильности в изображении исторических событий (Plato. Polith. X. 602b; Idem. Nom. II. 667d; Arist. Poet. 1460b; 14—24; Polyb. XII. 25h. 2—4).

Вот почему Полибий, не отрицая полезность знания трудов предшественников, которые дают возможность познакомиться с понятиями и представлениями древних и на их основании предвидеть будущее, считает необходимым поставить вопрос о проверке их сведений. Он приходит к выводу, что единственный способ, которым руководствуется в своей работе Тимей и ему подобные историки-книжники, имеет низкую ценность и должен занимать последнее место в историописании. Работа на основании выписок из чужих сочинений порождает порочный, по его мнению, способ проверки и неверный метод критики: «Сличать безо всякого труда ошибочные показания прежних историков». Полибий не мог не чувствовать, что работы историков прежних лет не отвечают требованиям современного ему исторического исследования (Polyb. XII. 25e. 2—6; 25i. 2—9)¹¹.

Постановка вопроса об обязательной проверке книжного знания подводит ахейского историка к новому этапу рассуждений. Ссылаясь на Гераклита, который, рассматривая органы восприятия и познания, отдавал предпочтение зрению перед слухом, Полибий присоединяется к его мнению и утверждает, что «глаза — более точный свидетель, чем уши». В данном случае слово «ако́е» имеет значение слуха, или молвы¹². Таким образом, неверная и получаемая из вторых рук информация ассоциируется

с ложным знанием, которое основано на слепом доверии слухам. Замечание Гераклита о природе познания вообще¹³ используется Полибием для конкретизации задач научного исторического знания. Роль инструмента научного исследования играет у него зрение (*horasis*), при этом речь идет не столько о зрении как таковом, сколько о правильном видении мира, также передаваемом через слово «*horasis*» (Polyb. XII. 27. 1—6).

Наилучший способ проверки полученных сведений, достижения тщательности при историческом изыскании — наличие у историка «собственного опыта или сопереживания» (*autopathia*)¹⁴. Отсутствие жизненных впечатлений у Тимея — основная причина его неверного подхода к задачам историографа и ошибочного метода работы над историческим сочинением.

Полибий считает, что только обладание практическим знанием помогает историку решить проблемы его профессионального мастерства. Оно прежде всего способствует сбору материала, хотя автору историописания и не следует, как это делает Тимей, преувеличивать роль этой части работы над историческим произведением. Полное отсутствие опыта приводит Тимея к тому, что он превращает самое легкое и маловажное в творчестве писателя-историка в наиболее важное и трудное. Но недостаток практики не позволяет ему выполнить как следует и эту задачу. Полибий выдвигает в противовес неверной информации, которой располагают писатели-книжники, «истинное утверждение, доступное автору благодаря его соучастию (*autourgia*) и опыту в делах (*autopathia*)» (Polyb. XII. 28a. 2; 7—10).

Сбор материала, как считает Полибий, сопряжен с другими задачами историка, который на основе личного опыта проверяет полученные сведения, уясняет ход событий и дает им объяснение. Опыт, по словам Полибия, «не меньше, чем свидетель, ведет дело к разъяснению событий» (*exegesis*). Неопытный человек не сумеет задать надлежащий вопрос, например, о военных мероприятиях, понять все подробности и обстоятельства происходящего (Polyb. XII. 28a. 7—10).

Полибий считает, что от практического навыка в политических делах зависит умение историка отбирать из полученных им данных только то, что необходимо и важно для его труда. Он в резкой форме порицает склонность некоторых писателей «придавать мелочам большую важность, коротко сказанное приукрашивать и превращать в многословие, иные побочные случаи освещать как великие деяния и события. Отсутствие личного участия в важнейших проблемах политической жизни приводит к тому, что историографы обходят молчанием многое достойное упоминания и многое неважное описывают многословно». Эти выводы Полибий делает, анализируя те части сочинения Тимея, где последний для изложения событий прибегает к речам действующих лиц. Уклонение без всякого повода в сторону и нагромождение всего, что только можно сказать об обсуждаемом

предмете, — «глупо и подходит лишь ученику», — говорит Полибий. Тимей поступает так из-за отсутствия у него наблюдений (*agorasia*) за реальной жизнью и практического знания (*emperia*). Нужно поступать по примеру самого Полибия — подбирать для каждого события подходящие слова (Polyb. XII. 25g. 3—4; 25i. 3—5; XXIX. 12. 3, 6).

Далее Полибий рассуждает о достоинствах работы писателя-историка, которые всегда были предметом внимания риторики. Собственный опыт историка позволяет ему получить «верное представление (*epnoia*) о деле и перейти к живому и наглядному изображению (*emphasis*) событий». Употребляемые автором «Всеобщей истории» риторические термины являются типичными для школы перипатетиков. Они были выработаны, видимо, в противовес исократовскому пониманию красоты литературных форм¹⁵. Рассуждения Полибия на эту тему — любопытный пример сочетания задач речевой стилистики и научного анализа. Адекватное изображение исторических событий должно быть дано стилистически ясно, отчетливо, живо. Конструктивную роль в этом играет собственный опыт историографа. Указание на *autopatheia* как основу живого и истинного описания исторических событий призвано подчеркнуть основную мысль Полибия: история прежде всего наука, в основе которой лежит научное, эмпирическое знание (Polyb. XII. 25i. 8; 25h. 4).

Практический опыт, по мысли Полибия, позволяет автору при написании работы избежать ошибок. Он настаивает на том, что историческое произведение должно быть свободно от всякой неправды. Историк обязан помнить, что его труд — не скоропреходящее устное сообщение. Сведения, закрепленные письменно, предназначаются потомкам на долгие времена. Автор историописания, допускающий ошибки в своем произведении, ставит себя в ложное положение: ни на одно его слово уже нельзя положиться (Polyb. XII. 25a. 2; XVI. 14. 3, 6—10; XXXVIII. 6. 6—8).

Как показывает анализ «Всеобщей истории», внимательное отношение к работам предшественников и их критика получили в эпоху эллинизма широкое распространение. Историк говорит о мелочной и злой критике чужих исторических сочинений, присущей Тимею, дает примеры такой исторической научной критики, разбирая сочинения Тимея, останавливаясь на неточностях в работах Феопомпа, Эфора, Аристотеля, Каллисфена, делая массу замечаний по поводу их выводов и коротких сообщений и защищая попутно от нападок сицилийского историографа. Особенную ярость Полибия вызывают ошибки, вызванные нежеланием выяснить причины и личными пристрастиями авторов исторических трудов. Он готов извинить те неточности, которых писатель не может избежать вследствие несовершенства человеческой природы. Но на протяжении всего его труда встречаются яростные филиппики против тех писателей, которые дела-

ют ошибки намеренно (Polyb. I. 14; II. 56; V. 31—33; XII. 4a—12; 12b—15; 17—22; 25d. 2—3; 28. 8—12; 28a; XVI. 14. 7; 20. 1; XXIX. 12. 12).

Итак, жизненный опыт, или практическое знание жизни,— основа научного исторического исследования, считает Полибий. Этот опыт позволяет историку решить весь комплекс методических задач на должном, высоконаучном уровне. Ахейский автор пытается определить, из чего складывается жизненный опыт историка, и делает вывод, что он может быть достигнут двумя путями: путешествиями по тем областям, в которых происходили те или иные события, описываемые в произведении, сопряженными с расспросами очевидцев, знакомством с документами и личным участием в политических делах. Жизненный опыт и практические знания историка зависят от его практической и военной активности, от любознательности, связанной с активностью иного рода. В самом деле, по словам Полибия, самый страшный грех Тимея — преднамеренный отказ от деятельного участия в политических и военных делах, от любого рода деятельности. При этом Полибий для подтверждения правильности своих воззрений ссылается на авторов, которых сам же критикует за ошибки, манеру изложения и отсутствие необходимого для историка опытного знания. Например, на высказывание Эфора, который считает желательным личное присутствие писателя при тех или иных исторических событиях, или слова Феопомпа о том, что военный опыт и участие в политической борьбе необходимы для лучшего ознакомления с этими отраслями человеческой деятельности (Polyb. XII. 25 g. 1—3; 27. 7—8; 28. 6).

Участие или опыт в государственных делах выдвигаются Полибием на первый план. По его мнению, исторический труд только тогда будет хорош, когда за его написание будут браться государственные деятели (*pragmatikoi*) и будут работать над ним всю жизнь. Навык (*hexis*) в государственном управлении необходим историку, иначе невежеству историографов никогда не будет конца (Polyb. XII. 25i. 7; 28. 3—5; 28a. 8—10).

Использование каким-либо автором исторического труда личного опыта и особенно опыта политического управления расценивается Полибием — крупным политическим деятелем Ахейской Лиги — как весьма трудная задача. Он понимает, что ее решение, в сущности, мало кому под силу. «Трудно принимать участие (*autourgon genesthai*) и действовать одинаково во всем»; поэтому он вынужден в значительной степени снизить уровень требований к автору исторического произведения. Писатель может не быть политическим практиком высшей квалификации, но должен знать «самые важные и наиболее обычные дела» (*megistai kai koinotatoi* // Polyb. XII. 25g. 6).

Таким образом, касаясь проблемы *tehnē*, необходимого для каждого историка уровня его ремесла¹⁶, Полибий переводит этот вопрос в сферу философских размышлений об *ēthos*¹⁷ —

характере и образе жизни автора исторического произведения¹⁸. По мысли Полибия, образ жизни во многом определяет компетентность и мастерство писателя-историка¹⁹. По нашему мнению, специальное значение для данного вывода ахейского историка имели работы активно развивавшейся и в период эллинизма²⁰ философской школы перипатетиков. В зарубежном антиковедении уже отмечалось то огромное влияние, которое оказала на развитие исторической науки деятельность Аристотеля и его учеников²¹. Нам кажется, что Полибий, давая свои методические рекомендации, опирается на выводы Аристотеля о специфике научного знания (наиболее выразительный, по нашему мнению, пример см.: Arist. *Metaph.* I. 1. 981a. 2)

Эти методические советы, будучи первым известным в античной историографии примером проявления интереса к методологии истории,— плод долгих раздумий автора «Всеобщей истории». Опираясь на выводы Аристотеля и его учеников, Полибий превращает эмпирическое, опытное знание в основу исторического исследования²². И хотя его представления о практическом опыте историка еще весьма наивны, этот критерий проверки истинности исторического знания призван не только решить ряд практических задач методики историописания, но и показать место истории как науки в системе современных Полибию научных знаний.

¹ Мы считаем возможным дать такой перевод термину «diathesis». Сходное с нашим значением дает ему Гв. Шепенс. См.: Schepens G. The Bipartite and Tripartite Divisions of History in Polybius (XII 25 et 27) // AS. 1974. Vol. 5. P. 284. Not. 36. Мауербергер настаивает на переводе «unterschiedliche Beschaffenheit, Richtung» как «различное состояние» (Mauerberger A. Polybios — Lexicon. B., 1961. Bd. 1. Lfg. 2. Sp. 477).

² Об этом см.: Jones W. H. S. *Philosophy and Medicine in Ancient Greece*. Baltimore, 1946. P. 1—37.

³ Об этом, в частности, см.: Блаватская Т. В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983. С. 73—213; Рожанский И. Д. Античная наука. М., 1980. С. 128—132, 166—168; Farrington B. *Greek Science: its Meaning for us*. L., 1949. Vol. 2. P. 64—67; Jones W. H. S., Heath T. *Hellenistic Science and Mathematics* // CAH. 1954. Vol. 7. P. 284—311.

⁴ О влиянии на Полибия научной деятельности Эратосфена см.: Pédech P. La culture de Polybe et la science de son temps // Polybe. Neuf exposés suivis de discussions: Entretiens sur l'antiquité classique. T. 20. Genève, 1974. P. 54—59.

⁵ См.: Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950. С. 293; Farrington B. *Op. cit.* P. 13—14.

⁶ На это в свое время обратила внимание М. Лаффранг (Laffrang M. L'oeil et l'oreille Polybe et les problèmes de l'information en histoire à l'époque hellénistique // *RPilos.* 1968. T. 158. P. 268).

⁷ О часто встречающемся понимании Полибием *hypomnēmata* как исторического труда см.: Gelzer M. *Über die Arbeitsweise des Polybios*. Heidelberg, 1956. S. 97. Anm. 29; Walbank F. W. *A Historical Commentary on Polybius*. Oxford, 1957. Vol. 1. P. 39; Idem. *Polybius*. Berkeley, 1972. P. 71.

⁸ Верное, на наш взгляд, замечание по этому поводу см.: Schepens G. *The Bipartite and Tripartite Divisions...* P. 284.

⁹ **Миллер Т. А.** Доаристотелевские учения о словесном искусстве // *Аристотель и античная литературная теория*. М., 1978. С. 24—62.

¹⁰ Подробнее о разработке этого вопроса Платоном см.: **Миллер Т. А.** К истории литературной теории в классической Греции V—IV вв. до н. э. // *Древнегреческая литературная критика*. М., 1975. С. 75—113.

¹¹ Верное, по нашему мнению, замечание по этому поводу см.: **Walbank F. W.** Polybius. P. 72. Not. 21.

¹² Ниже Полибий поясняет: «Источник этот (для молвы — акое.— Г. С.) может быть двояким — или исторические сочинения, или устные расспросы» (Polyb. XII. 27. 3).

¹³ См.: **Laffrang M.** Op. cit. P. 276.

¹⁴ О значении этого термина вообще и конкретно у Полибия см.: **Liddel H. G., Scott K. A.** Greek-English Lexicon. Oxford, 1926. Vol. 1, p. 2. P. 281; **Mauerberger A.** Lexicon. B., 1956, Bd. 1. Lfg. 1. Sp. 261.

¹⁵ См.: **Schepens G.** Emphasis and enargeia in Polybios Geschichtstheorie // *RSA*. 1975. T. 5. S. 192. Anm. 22.

¹⁶ О значении слова «tehne» см.: **Liddel — Scott.** Lexicon. Oxford, 1936. Vol. 2, p. 9. P. 1785.

¹⁷ О развитии этого понятия в греческой философии от Гераклита до стоиков см.: **Peters F. E.** Greek Philosophical Terms: A Historical Lexicon. N.Y.; L., 1967. P. 66. Разбор этого понятия В. В. Вальченко позволил ему сделать следующий вывод: «Ethos выступает у Аристотеля как формально-логическое видородовое понятие, универсально отражающее наиболее характерные особенности человеческого поведения» (**Вальченко В. В.** Ethos в «Риторике» Аристотеля // *ВДИ*. 1984, № 2. С. 51).

¹⁸ На это в свое время обратил внимание М. Изнарди (**Isnardi M.** Tehne ē ethos nella storiografia di Polibio // *SCO*. 1953. T. 3. P. 102—110).

¹⁹ См. верное, на наш взгляд, замечание по этому поводу: **Schepens G.** Bipartite and Tripartite Divisions... P. 284.

²⁰ См.: **Farrington B.** Op. cit. P. 14—15.

²¹ См.: **Fritz von K.** Aristotle's Contribution to the Practise and Theory of Historiographia // *UCPPH*. 1958. Vol. 33. Esp. P. 134—136; **Linch P. J.** Aristotle's School: A Study of a Greek Educational Institution. Berkeley, 1972. P. 135—138.

²² Подробнее об этом см.: **Асмус В.** Метафизика Аристотеля // *Аристотель. Сочинения*: В 4 т. М., 1975. Т. 1. С. 35—39.

Е. П. ГЛУШАНИН
Алтайский университет

О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ ПОЯВЛЕНИЯ АНТИВАРВАРСКИХ НАСТРОЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВИЗАНТИИ КОНЦА IV — НАЧАЛА V в.

В историографии поздней Римской империи и ранней Византии насчитывается немало работ, посвященных острой идейно-политической борьбе, начавшейся после смерти Феодосия I. Неоднократно изучался социальный облик выразителей идей и политических программ тех или иных противоборствующих группировок господствующего класса обеих частей империи, прежде всего Клавдиана и Синезия, отдельные аспекты и степень прак-